

ВОРТЕ

АННА ДЕЛОНЕ
АЛЕКСАНДР КУЛАНОВ

ИСТОРИЯ ИСИ ХАНАКО



石井花子

ДРУГОИ

Анна Б. Делоне
Александр Евгеньевич Куланов
Другой Зорге.
История Исии Ханако

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67608188
Другой Зорге. История Исии Ханако: Молодая гвардия; М.; 2021
ISBN 978-5-235-04604-7

Аннотация

Эта книга написана на основе воспоминаний «японской жены» знаменитого разведчика Рихарда Зорге. Исии Ханако прожила с ним шесть лет и узнала «Рамзая» таким, каким его не знал никто: добрым человеком, нежным возлюбленным, глубоким интеллектуалом, бесстрашным бойцом и великим актером, годами водившим за нос японскую контрразведку. Это рассказ об удивительной жизни и самой Исии Ханако – бедной девушки из провинции, силой своей любви сохранившей для нас память о Зорге и его прах и тем самым вошедшей в историю.

Авторы книги – японовед Анна Делоне и лауреат премии Министерства обороны РФ за биографию Рихарда Зорге историк Александр Куланов работали над ней несколько лет, чтобы теперь и вы смогли узнать и понять другого Зорге – Зорге как человека.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая. Зорге	23
Апостол революции	23
Кристина	31
Агнес и Урсула	41
Катя и Хельма	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Анна Делоне,
Александр Куланов
Другой Зорге.
История Исии Ханако**

© Делоне А. Б., Куланов А. Е., 2021

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное
оформление, 2021

Предисловие

Эта книга о знаменитом разведчике Рихарде Зорге и японской женщине, которую звали Исии Ханако. Ее имя вряд ли что-то скажет читателям, далеким от истории разведки. Впрочем, даже имя самого Рихарда Зорге сегодня известно далеко не всем. А если и известно, то, в основном, по набору давнишних – до заплесневелости – штампов и стереотипов: кажется, так звали советского шпиона, работавшего в Японии... Вроде бы он был немцем. Или русским. В Азербайджане кто-то вспомнит, что он родом из Баку или откуда-то рядом. Был отчаянным мотоциклистом, бабником, алкоголиком и, говорят, еще двойным агентом. Или даже тройным. Правда, не совсем понятно, чьим именно. Но потом вдруг стал Героем Советского Союза – вроде как потому, что предупредил Сталина о точной дате и даже времени нападения Германии на СССР. При этом сам Сталин за что-то сильно не любил Зорге и никогда ему не верил – что-то там такое произошло между ними раньше...

Весь этот (отнюдь не полный, надо заметить) набор мифов и легенд о Рихарде Зорге был бы совершенно не оригинален и вполне сгодился бы для жизнеописания едва ли не любого суперагента середины XX века, если бы не присутствие в нем пикантной экзотической нотки: истории отношений Зорге и какой-то японской девушки-любовницы – то ли гейши, то

ли официантки. Трогательный романтический сюжет любви шпиона и «девушки в кимоно» в обязательном порядке входит во все театральные, кино- и телеверсии рассказов о Зорге, никогда, впрочем, не занимая в них центрального места. Ханако изображается в них по-японски нежной, заботливой и покорной спутницей бесшабашного разведчика, которая потом так же по-японски незаметно исчезает со сцены, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания чрезмерной экзотичностью и не вполне ясной ролью в жизни «Рамзая» – под этим оперативным псевдонимом Рихард Зорге работал на советскую разведку с 1930-го по май 1941 года. Странно даже, что до сих пор никто не снял фильм о них под названием «Чио-Чио-сан наших дней» («Гейша и шпион» или «Советский ниндзя и его гейша»).

Конечно же, реальная история взаимоотношений Исии Ханако с Рихардом Зорге, а затем с памятью о Рихарде Зорге намного сложнее, запутаннее и драматичнее, чем это принято показывать в кино. При этом о самой Ханако известно очень мало, в знаниях этих обычно опираются на небольшие фрагменты из ее первых двух книг, воспроизводимые то там, то сям, да на мнения и воспоминания тех немногих, кто о ней писал раньше и встречался с ней лично. И это несмотря на то, что первая книга Исии Ханако о Зорге вышла в 1949 году, а скончалась эта женщина и вовсе в наше время – в 2000 году. Многие из ныне здравствующих отечественных японоведов и работников СМИ имели бы возможность пообщаться с

ней лично, если бы уже в то время интересовались этой потрясающей историей.

Общение советских журналистов с бывшей возлюбленной разведчика началось в 1964 году, когда имя Зорге стало известно не только во всем мире, но и в Советском Союзе. Тогда корреспонденты ведущих газет – «Правды», «Известий», «Комсомольской правды», некоторых других, наперебой бросились за интервью к Ханako, и она никому не отказывала в беседе, с разной степенью точности воспроизводя то, что она до этого уже написала в воспоминаниях, надеясь, что когда-нибудь эти непрочитанные еще советскими читателями книги станут доступны им в переводе. Кто-то из владевших японским языком и переводил. Но всегда не целиком, а отрывками, кусками, теми фрагментами, которыми можно было удачно проиллюстрировать сюжет с Зорге, подогнав под строго выверенный идеологический канон. И совершенно напрасно, ибо написанное Исии Ханako заслуживает полного перевода.

Три ее книги под одной обложкой объединили только в 1970-х годах. Первая часть рассказывает о знакомстве Ханako и Рихарда, их совместной жизни и заканчивается арестом Зорге 18 октября 1941 года и сообщением японской прессы об этом в мае 1942 года. Она содержит массу интересных исторических фактов, деталей, касающихся жизни Зорге в Японии – порой неизвестных даже очень узким специалистам, занимающимся этой темой. Это относится к упо-

минаниям о командировках «Рамзая» в Китай, к общению с агентами резидентуры, которых встречала Ханако в его доме, с сотрудниками германской дипломатической миссии и посланцами из Берлина и, как ни странно, даже отношениям советского резидента с полицией.

Часто совершенно невероятные, на наш сегодняшний взгляд, эти, почти бытовые, коллизии лучше любого исторического исследования отображают реальную обстановку, в которой работал «Рамзай». Его дом был расположен так, что из окон стоявшего напротив полицейского участка района Ториидзака было видно, по выражению инспектора, допрашивавшего Ханако, ее голый зад. Бесстрашная дерзость Зорге в общении с полицией доходила до избиения ее сотрудника, и это не препятствовало ужинам с начальником отдела политической полиции – токко. Может оказаться, что эти и многие другие реалии истории Зорге и Ханако будет трудно понять, если не учитывать априори двойственный характер поведения иностранца в Японии. Рихард Зорге был блестящим японоведом, знатоком японского менталитета и знал, что, как и когда допустимо совершать. Он никогда не рисковал просто так. Причем знание это появилось у него и было им развито еще в период работы в Шанхае, где японцы представляли собой одну из главных действующих сил в городе и в Китае вообще. Благодаря этому пониманию природы японской психологии он и сумел целых восемь лет водить за нос местную полицию, которая всегда хотела узнать

об этом загадочном немце как можно больше и неизменно оказывалась обескуражена тем, что он не только ничего не скрывал, но и выставлял все напоказ – от своей личной жизни до неприязни к самой полиции. На то, чтобы понять, что все это была лишь игра – на грани фола, но тонкая, дерзкая, тщательно просчитанная, японцам понадобились годы. Свидетельницей всего этого была она – Исии (тогда еще Миякэ) Ханако, и каждое ее слово о том, как это было, сегодня имеет исторический вес.

Не менее интересна и, быть может, более трогательна вторая часть ее книги, посвященная тому, как происходили поиски праха Зорге, его эксгумация и перезахоронение. Весьма эмоциональный тон Ханако, и без того к концу первой книги достигший высокого уровня, во второй не только не снижается, но даже наоборот, становится еще более пронзительным. Нервами, обмакнутому в тушь, возлюбленная нашего разведчика писала о событиях конца войны и о своем главном переживании: она наконец-то точно узнала о казни Зорге и теперь пыталась разыскать его тело, чтобы либо посетить могилу, либо, если такой могилы нет, создать ее. Ханако без стеснения описывает свое состояние тех лет, которое вряд ли можно охарактеризовать иначе как грань помешательства. Она разговаривала с Зорге, слышала его голос на кладбище, видела и слышала знаки, помогавшие ей найти силы для продолжения борьбы.

Рассказ об эксгумации – ключевой момент второй части.

Нет смысла здесь повторять те слова, что написала сама Исии Ханako, вспоминая этот жуткий эпизод: мы воспроизвели их далее. Заметим другое: при всей ее эмоциональности она всегда оставалась японкой – человеком действия, быстро обретавшим силы после короткого срыва. Как только экзугмация была произведена, мысли Ханako оказались направлены на решение следующей задачи – кремации. Получив же, в буквальном смысле слова, на руки прах любимого человека с несгоревшими фрагментами костей, Ханako произносит фразу вряд ли сознательно, но почти дословно повторяя знаменитое восклицание Тиля Уленшпигеля: «Зорге живет в моем сердце!»

Особая история – почти совершенно неизвестный широкой публике исторический и психологический фон жизни японцев в Токио в условиях американской оккупации, когда каждый шаг любого человека делался с оглядкой на Америку. И это же время стало периодом небывалой активности профсоюзов и коммунистов в Японии, о чем тоже сегодня помнят только специалисты. Неудивительно, что, как и сам Рихард в потерпевшей поражение Германии после Первой мировой войны, Ханako пыталась разобраться в причинах глобального братоубийства в условиях капитулировавшей Японии после Второй. Увы, в отличие от доктора Зорге, абстрактные размышления и обобщения автора книги о нем вряд ли можно назвать ее сильной стороной. При чтении смысл переживаний становится не столько ясен из тек-

ста, сколько ощутим по его эмоциональной окраске. Но и не рассказать об этом нельзя – иначе станет непонятно, в каких условиях боролась Ханако за осуществление своей мечты.

Как и первая часть ее книги, вторая изобилует множеством деталей биографии Зорге, ранее неизвестных неамериканским исследователям. Возможно, их даже больше, чем в первой, по той простой причине, что здесь речь идет о событиях, случившихся уже после его гибели, а оттого до сих пор не привлекавших особого внимания историков. Между тем весьма важным выглядит упоминание о стремлении американской разведки получить от Исии Ханако хоть какие-то сведения по делу подруги и коллеги Зорге времен шанхайской командировки – Агнес Смедли. Как раз в это время ФБР на фоне нарастающей волны антисоветизма и антикоммунизма в США проводило в ее отношении новое расследование. Материалы из Токио могли оказаться очень к месту, но их так и не удалось добыть, а сама Смедли вскоре внезапно умерла.

Не вполне понятно, представители какой именно спецслужбы интересовались этой информацией, но вероятно, что это могли быть сотрудники отдела G-2 штаба Верховного командования оккупационных сил союзников в Японии, то есть американской военной разведки, действовавшие по просьбе своих коллег из ФБР (или вместе с ними). Именно офицеры G-2 и, прежде всего, начальник отдела генерал Чарлз Уиллоуби вели расследование в отношении са-

мого Рихарда Зорге. В новых, послевоенных политических реалиях агент советской военной разведки, приговоренный в Японии к смертной казни как шпион Коминтерна, то есть международной сети сторонников коммунизма, стал идеальной мишенью для антикоммунистической пропаганды и поводом для сплочения сил – и американцев, и японцев – в борьбе вообще с движением левых. По версии американских разведчиков, «Рамзай» выступал в качестве одной из основных сил, подталкивавших Токио к войне против США, а истоки его шпионской карьеры находились в Китае. Зорге и члены его группы позиционировались как едва ли не национальные враги Соединенных Штатов. Фактически на них перекладывалась часть вины японского правительства за начало войны на Тихом океане, и те, кто читал постоянно появлявшиеся в американских, европейских, японских изданиях статьи о деле токийской резидентуры, не могли не знать и не чувствовать этого. В 1952 году вышла книга генерала Уиллоуби, которого, как говорили, командующий оккупационными силами США в Японии генерал Дуглас Макартур полушутя называл «мой маленький фашист». Книга была основана на материалах опубликованного еще в 1949 году расследования и называлась «Шанхайский заговор», подчеркивая тем самым долгую и интернациональную историю группы Зорге. Однако в Токио американцев, разумеется, прежде всего интересовали члены местной раскрытой советской резидентуры, и следы этого интереса тоже можно увидеть в

книге Ханако.

Существует современная версия профессора Като Тэцуро, много лет занимающегося «Делом Зорге», о том, как американская разведка вообще вышла на Исии Ханако. Сама женщина рассказывала, что точные сведения о гибели Рихарда получила из купленной в 1948 году брошюры, посвященной расследованию (двумя годами позже издание было повторено по причине его высокой популярности среди читателей). Профессор Като считает, что выпуск этой брошюры был инициирован американской разведкой для того, чтобы выманить Миякэ Ханако после позорной потери контакта с бывшим радистом группы Максом Клаузенем. Связь с ним американцам удалось установить после войны, но она тут же оборвалась – Клаузен разыскал сотрудников советской разведки в Токио и вместе с женой был тайно эвакуирован в СССР. Представители Штаб-квартиры оккупационных сил, по мнению Като, не знали, где находится Ханако, и, организовав публикацию, ждали, когда она сама появится в издательстве. Гипотеза сколь любопытная, столь и маловероятная: Миякэ Ханако жила, ни от кого не скрываясь, была зарегистрирована в муниципалитете, и у американцев имелся полный набор совершенно легальных административных инструментов для установления ее адреса в Токио, даже несмотря на смену ее фамилии в тот момент с Миякэ на Исии. Но вот было ли известно американской разведке, помнит ли она Рихарда Зорге вообще и, если да, насколько

серьезно настроена сохранить о нем память?

Еще один интересный эпизод связан с долгим и активным общением Ханако-сан с одним из бывших членов группы Зорге Каваи Тэйкити (1901–1981). Этот человек входил в состав резидентуры в качестве субагента – «Рамзай» не работал с ним напрямую. Каваи, действовавший под кличкой «Ронин», замыкался в своей деятельности на Одзаки Хоцуми (у которого к тому же был подчиненным в токийском офисе Южно-Маньчжурской железной дороги) и на другого члена основной пятерки резидентуры – Мияги Ётоку. Каких-либо серьезных, реальных результатов работы Каваи на советскую разведку до сих пор не обнаружено, несмотря на то что он был привлечен к сотрудничеству еще в Шанхае. Этот человек имел авантюристический склад характера, работал в основном по материальным соображениям и арестовывался японской полицией в Китае. У нас нет ни единого повода считать, что тогда «Ронин» мог выдать свои связи японцам (искренне преданный своему «патрону» – Одзаки, он навсегда сохранил ему верность), но в 2007 году были раскритикованы документы, свидетельствующие о том, что много позже, уже после войны (как раз в период, описываемый Исии Ханако во второй части) он стал платным агентом американской разведки. Арестованный в 1941 году через четыре дня после Зорге, Каваи был приговорен к десяти годам заключения и освобожден американцами в октябре 1945 года. Через два года им заинтересовалась американская разведка,

а с 1947-го Каваи допрашивался по делу все той же Агнес Смедли, с которой тоже был знаком в Шанхае, и назвал ее членом резидентуры «Рамзая» (что не соответствовало истине). В 1949 году Каваи начал сотрудничать с американской разведкой. После смерти Смедли в мае 1950-го смысл в помощи Каваи на этом направлении расследования исчез, но интерес к нему американских спецслужб остался: помимо всего прочего, Каваи сообщал и о раздражающей деятельности бывшей возлюбленной Рихарда Зорге, но сама Ханako об этом так никогда и не узнала. И это не единственный пример чрезвычайно разнообразного окружения этой женщины в послевоенный период. Там были не только скрытые, но и явные шпионы, агенты японской полиции и депутаты парламента от Коммунистической партии Японии (КПЯ), бывшие полицейские и судебные служащие, восхищавшиеся силой характера, глубиной мышления и гуманизмом доктора Зорге и Одзаки Хоцуми сразу же после того, как требовали для них смертные приговоры. Исии Ханako общалась с ними со всеми, но при этом оставалась как бы немного отстраненной от них (как и сегодня для японских зоргеведов она остается почти никак не связанной с этим делом). Возможно, потому, что, несмотря на периодические и несколько натужные попытки высказывать в книге идеи глобального характера, смыслом ее жизни оставалась любовь к Зорге, а потом, с конца 1940-х годов – верность его памяти.

Любовь в Японии, ее выражения и переживания не всегда

соответствуют привычным нам представлениям. Четко сознавая свой статус любовницы холостого иностранного мужчины, Ханако, возможно, поначалу надеялась изменить его, но чем дальше, тем, очевидно, меньше верила в такую возможность. Со своеобразной японской стойкостью она переносила и многочисленные любовные приключения Зорге: в Японии ревность считается худшим из пороков, которые могут быть присущи женщине. Так никогда и не вышедшая замуж Ханако не позволяла, чтобы это чувство овладело ее душой. Она любила Зорге, любила по-японски: преданно, безревностно и, как ни странно, этому никак не противоречила материальная составляющая их отношений.

Это тоже непросто принять носителям европейской культуры, но в японском понимании, раз уж деньги вообще существуют, то они играют важную роль не только в коммерческих делах или общественных отношениях, но и в семейной жизни или в такой связи, как между Рихардом и Ханако. Она с легкостью принимала от него подарки, в том числе в виде оплаты ее учебы и существования, и совершенно не чувствовала дискомфорта, потому что в Японии это нормально. Она часто пишет в своих воспоминаниях о деньгах — на удивление часто, с нашей точки зрения. Но в силу разных обстоятельств Ханако не имела постоянной работы и была вынуждена непрерывно бороться за выживание, а значит, не только зарабатывать, но и просить денег. И даже принятие статуса возлюбленной Зорге имело для Ханако не только мо-

ральное, но и важное финансовое значение, как и для нас всех, кстати говоря, тоже. Ведь если бы она не написала первой части своей книги, ей не удалось бы должным образом захоронить прах нашего разведчика, который оставался не нужен своей родине долгих два десятилетия (!) после казни. Это тяжелейшее время, во многом более сложное, чем годы войны, ушло у Исии Ханако на то, чтобы не только выжить (главный источник ее существования до получения гонораров, да отчасти и после – половина зарплаты ее племянницы, которая содержала любимую тетушку), но и на то, чтобы выполнить свою основную миссию: найти прах Рихарда Зорге и организовать ему достойное погребение. Если бы этого не сделала она, то кто? Куда пришли бы люди с цветами в 1964 году, когда ему было присвоено звание Героя Советского Союза? Вопрос риторический.

Да, можно сказать, что она эксплуатировала свой статус любовницы Зорге для извлечения материальной выгоды – но для себя ли? Пепел Зорге стучал в сердце Ханако – урна стояла у изголовья ее постели, и она начала новый этап борьбы – за достойное захоронение героя и создание ему памятника. И, кто знает, не имей эта женщина сугубо японской нотки практицизма, возможно, эта борьба и не привела бы к победе. После посещения советского представительства в один из тяжелейших дней ее жизни, получив отказ в деньгах, Исии Ханако напишет: «Мне все равно, потому что я-то сама ничего не сделала. Но Зорге – он работал, рискуя своей

жизнью. И ничего не сказав, достойно принял смерть. И весь мир об этом будет знать». Должен знать – она в это верила и выживала, зарабатывала, боролась с тяжелейшей болезнью – чтобы мир узнал правду о Зорге.

Все послевоенное время она жила далеко не в самых роскошных условиях: в одноэтажном домике на окраине Токио, недалеко от того кладбища, где похоронила любимого. После присвоения Рихарду Зорге звания Героя Советского Союза, признания «Рамзая» советским разведчиком у него на родине состоялось еще одно – тайное, рассекреченное лишь в 1990-х годах, признание Исии Ханako «японской женой» Зорге. После этого она начала получать пенсию от Советского государства, которую передавали ей сотрудники посольства СССР в Токио. Это были небольшие, но важные для одинокой старушки деньги, и она всегда была им рада. Ей было чем оплачивать жилье, тот небольшой дом, в котором она создала маленький, но абсолютно уникальный личный музей Рихарда Зорге, собрав коллекцию из его вещей, из его подарков ей, из подарков, полученных уже в качестве «жены» Зорге, – коллекцию, которая теперь, после ее смерти, по всей видимости, полностью и навсегда утрачена. Нами, а не ею.

Исии Ханako несколько раз приглашали на отдых в Советский Союз, и она до самого конца жизни захлеб об этом рассказывала – этим событиям посвящена третья часть книги. Признание в СССР пришло, когда она его уже не ждала,

и потому эмоции в начале путешествия, когда она ехала в страну, которую никак не отождествляла с родиной Зорге, разительно отличаются от финала. Но именно это признание позволило ей исполнить мечту, которую она лелеяла, когда Зорге был жив: почувствовать себя его женой.

И пусть какие-то ее заявления выглядят странно, какие-то вызывают споры, вспомним, что она сама написала по этому поводу: «Мелкие человеческие изъяны перед лицом смерти не имеют значения. Что человек совершил, какую роль его действия сыграли в том, чтобы принести счастье людям – вот что является действительно важным».

Положив в основу нашей книги воспоминания Исии Ханак о Рихарде Зорге, мы надеемся, что это даст нам возможность, наконец, понять, кем была Исии Ханак, и как случайная встреча в токийском баре 4 октября 1935 года изменила ее жизнь, всю ее судьбу и нашу с вами память о Рихарде Зорге – человеке, которого в 2000 году японская газета «Асахи» назвала в числе ста самых влиятельных людей XX века. Память о человеке, которым мы можем и должны гордиться, память о том Рихарде Зорге, которого пока мы почти что не знаем.

К сожалению, из-за позиции наследниц Исии Ханак, не желающих, чтобы их имена ассоциировались с историей советского шпионажа в Японии, мы не можем предложить российскому читателю полную версию воспоминаний их родственницы, так сказать, в чистом виде, но надеемся мак-

симально полно передать не только фактическую сущность этих воспоминаний, но и их поистине драматический тон.

Общее название книги этих воспоминаний – «Нингэн Зорге», что в буквальном переводе означает «Человек Зорге», «Зорге как человек», «Человеческая сущность Зорге» – наверное, можно придумать и другие варианты перевода. Для благозвучия на русском языке мы предлагаем именовать ее «Человек по имени Зорге» и помнить, что автор книги имела в виду, прежде всего, человеческую сущность – характер, взгляды, образ жизни и мысли своего героя. Мы взяли на себя смелость самым широким образом дополнить эту работу для воспроизведения исторического фона, на котором происходили описанные Исии Ханакэ события, а также для уточнения некоторых деталей и пояснения нюансов истории Рихарда Зорге, с которой многие из читателей наверняка знакомы только в общих чертах. В то же время нам представляется важным постараться передать в нашей книге тот несколько рваный, местами чрезмерно лапидарный, телеграфный стиль книги Ханакэ, которого, может быть, не могут оценить русскоязычные читатели, но который кажется нам важным для понимания стиля мышления этой женщины.

Следует помнить, что наша книга не столько о разведчике Рихарде Зорге, сколько о том, каким видела его она, то есть о «другом Зорге». Кроме того, конечно же, это книга и о том, кем была сама Исии Ханакэ и как на самом деле выглядела

ее долгая, растянувшаяся на два десятилетия борьба за восстановление памяти Зорге и дорогого ей имени. Мы постарались сохранить основную канву ее рассказа, а главное – максимально точно воспроизвести те мысли и эмоции, которые владели ею на этом долгом пути. И если мы где-то писали, что в определенной ситуации Исии Ханako охватывал страх или она испытала радость от чего-то, читатель может быть уверен, что видит перед собой не мнение авторов о том, что чувствовала эта женщина в определенный момент, а передачу воспоминаний об этом, ею же самой и зафиксированных.

В завершение этого затянувшегося предисловия мы сердечно благодарим за помощь, оказанную в создании этой книги, наших друзей и консультантов: Имамура Эцуко, Ёсида Синго, Като Тэцуро, Тамаки Ёити, Миямото Татиэ, Марию Николаевну Бересневу, Георгия Борисовича Брылевского, Андрея Викторовича Варламова, Надежду Михайловну Гутиеву, Оксану Александровну Наливайко, Петра Андреевича Павленко, Игоря Альбертовича Пермякова, Тамару Константиновну Сойкину и многих других людей, которые своими советами, замечаниями и поддержкой помогли нам справиться с поставленной задачей.

Все японские имена приводятся в тексте в соответствии с японскими правилами: сначала фамилия, затем имя. То есть Исии – фамилия, Ханako – имя. Они не склоняются.

В написании японских слов и названий авторы используют «поливановскую» систему транслитерации: Сибуя, а

не Шibuя. Исключения составляют устоявшиеся написания названий: Токио, а не Токё, Йокогама, а не Ёкохама и т. д. Названия некоторых районов также склоняются в связи со сложившейся традицией, например «на Гиндзу», а не «на Гиндза».

Часть первая. Зорге

Апостол революции

Рихард Зорге появился на свет 4 октября 1895 года (по новому стилю) в небольшом городке Сабунчи недалеко от Баку – нынешней столицы Азербайджана, являвшейся тогда нефтяной столицей Российской империи. Он был младшим ребенком немецкого инженера Рихарда Зорге-старшего и русской женщины Нины Семеновны Кобелевой, происходившей из Рязанской губернии. В семье к тому времени уже имелось семь детей: Вильгельм, Маргарита, Герман, Наталия, Георгий, Мартин, Анна. Рихард оказался младшим из пяти братьев, но он никогда не говорил, что самым любимым – возможно, из-за того, что всегда отличался беспокойным, неуживчивым характером. По иронии судьбы это соответствовало его фамилии: согласно словарям, слово *Sorge* в зависимости от контекста переводится как «забота», «тревога», «беспокойство» и т. п. – и в значении «источник волнений», и в смысле «проявление внимания к кому-то». Рихард Зорге, по свидетельству всех, кто его знал, был одновременно и очень заботливым по отношению к близким людям и друзьям, и человеком, доставляющим массу беспокойства своим начальникам, коллегам, да и все тем же близким.

Кем он был по национальности? В Японии раньше таких детей от смешанных браков называли «хафу», то есть «половинка», имея в виду, что генов и национальных особенностей в них по половине от отца и от матери. Сейчас их все чаще принято именовать «даббуру», то есть «двойные», подчеркивая, что они взяли лучшее от обоих родителей. Но в случае с Зорге все несколько сложнее. Его семья покинула Баку и перебралась в Берлин в 1898 году, когда Рихарду было три года. Большую часть жизни он провел среди немцев. Было бы странно поэтому, если бы он в таких обстоятельствах считал себя русским. Тем более нет никаких документальных оснований считать, что Зорге мог говорить что-то особенное о своем азербайджанском или – шире – кавказском происхождении, хотя фантазии на эту тему популярны в определенных кругах интернет-пользователей и азербайджанских краеведов. Внутренне он ощущал себя немцем, и это было настолько очевидно, что и Исии Ханакэ, прожившая с ним шесть лет, а потом узнавшая, что он был советским разведчиком, никак не могла свыкнуться с мыслью, что настоящая родина ее возлюбленного – Россия.

С другой стороны, во всех его документах, от свидетельства о рождении Зорге и до свидетельства, подтверждающего получение им докторской степени, указано место рождения: Россия, Баку (или просто «Кавказ»). Скрыть это было невозможно. Да и незачем: после революции из России в Германию вернулись тысячи немецких семей. Отправившиеся ко-

гда-то на заработки на Восток уроженцы Баварии, Пруссии, Силезии и прочих германских земель собирались теперь обратно со всех концов развалившейся империи – из Прибалтики, Москвы, Баку, Петрограда... Особенного внимания на это никто не обращал, и подозрений ни у кого, включая полицейские органы Германии, такие репатрианты не вызывали. Главное, чтобы они сами приняли родину, которая приняла их. В этом смысле Рихарду Зорге было проще – он приехал в Германию совсем маленьким и был воспитан в приличной и обеспеченной (в Берлине его отец вошел в руководство одного из банков) немецкой семье, проникнутой духом любви, прежде всего, к родине его отца, давшей им достойное существование. От России остались воспоминания родителей и старших братьев и сестер, да медный самовар в качестве зримого свидетельства русского происхождения матери. По-русски в семье почти не говорили, и Рихард изъяснялся на нем крайне слабо даже во времена своей работы в Москве. Так что неудивительно, что когда в августе 1914 года началась война между двумя его родинами, молодой человек, не колеблясь, выбрал германскую сторону. Не успевший окончить школу доброволец отправился на сборный пункт изучать науку шапкозакидательства: «Пулю в лоб французу, штык – Ивану в пузо!», как учили тогда немецких новобранцев.

Рихард Зорге стал одним из тех молодых немцев, кто ушел на фронт сам, горя желанием защитить интересы Германии

и не особенно задумываясь, чьи именно это интересы и от кого конкретно он их обороняет. Он был полон сил, ненависти к врагу и... недоумения по поводу организации военной службы. «До войны политической жизни не знал. Когда поступил в армию, действовал не политически, а лично выступал: бил фельдфебелей...» – признается Зорге спустя много лет, восстанавливая свою биографию в камере токийской тюрьмы. Тяжелейшая битва под Диксмёйде (на Изере) 29 октября 1914 года заставила только что отметившего свое девятнадцатилетие Рихарда задуматься о причинах происходящего: «Это кровопролитное, ожесточенное сражение впервые возбудило в сердцах – моем и моих товарищей-фронтовиков – первую, а потому особенно глубокую психологическую неуверенность. Наше горячее желание драться и искать приключений было быстро удовлетворено. Потом наступило несколько месяцев молчаливых раздумий и опустошения». Зорге начал размышлять о причинах войны, а следом – о том, что никому из воевавших с ним плечо к плечу солдат, ефрейторов, фельдфебелей эта война была не нужна. Как явно не нужна она была и таким же рядовым бойцам по ту сторону фронта. Тогда кому же? «Ради чего это всё? Война, смерть, увечья, кровь и страдания – кому всё это нужно? Кто в этом виноват? Что надо сделать, чтобы это прекратить?» – Зорге силился найти ответы на возникавшие один за другим вопросы или людей, которые смогли бы ему в этом помочь.

В первой половине 1915 года Рихард был ранен. Он оказался в госпитале, где познакомился с более развитым в политическом смысле товарищем по оружию – Эрихом Корренсом. Теперь уже вместе они пытались разобраться в экономических и социальных причинах войны. Не хватало образования, и Зорге, заочно завершив обучение в школе, поступил на медицинский факультет Берлинского университета. Но война продолжалась, и он снова отправился на фронт. На этот раз – Восточный, сражаться против русских. В начале 1916 года он получил второе ранение и снова очутился на госпитальной койке. Его повысили в звании до унтер-офицера и наградили Железным крестом 2-го класса, но Зорге уже не интересовали воинские почести. Вопросы, которые он задавал себе, полностью овладели им: «Я убедился, что Германия не может предложить миру ни новых идей, ни новых каких-либо действий, но и Англия, и Франция, и другие страны мира также не имеют возможностей внести свой вклад в дело мира. Никакие дискуссии о духовности и высоких идеалах не могли поколебать моей убежденности. С тех пор я не воспринимал всерьез утверждения об идеях и духе, которыми якобы руководствуются ведущие войну народы, независимо от их расы».

Раздумья были прерваны окончанием лечения и очередным возвращением на фронт – в печально знаменитую «верденскую мясорубку»¹. Там Зорге получил последнее и тяже-

¹ Битва при Вердене – неудачный штурм Германией французской крепости

лейшее ранение, наложившее отпечаток и на его внешний облик, и на его психику: была перебита кость ноги, он получил множественные осколочные ранения, потерял много крови и вообще чудом остался жив. Полумертвого его вынесли с поля боя и отправили в госпиталь в Кёнигсберге. Лечение шло тяжело, нога адски болела, страдало израненное тело, но в наименьшей степени – душа. На войну Рихард уходил пышущим здоровьем молодым атлетом, спортсменом – он входил в национальную сборную Германии по легкой атлетике, вполне профессионально бегал на средние дистанции, прыгал в высоту и метал диск. Вернуться с войны предстояло инвалидом. Много лет спустя первая жена Рихарда – Кристина вспоминала: «Рихард воевал; из-за простреленного колена он ходил, прихрамывая... Он никогда не мог медленно спускаться по лестнице – бежал вприпрыжку и при этом безжалостно подтрунивал над собой». А его токийская подруга Эта Харих-Шнайдер замечала, что «Зорге снова и снова начинал рассказывать о Вердене. Это было его душевной травмой». Но именно в кёнигсбергском госпитале Рихард «...впервые сумел подробно услышать о революционном движении в Германии, различных партиях и течениях, международном революционном движении».

Здесь же Зорге услышал о Ленине, как об одном из ли-

Верден, закончившийся огромными потерями с обеих сторон. Одна из крупнейших и одна из самых кровопролитных военных операций в Первой мировой войне и истории вообще. Боевые действия проходили с 21 февраля по 18 декабря 1916 года.

деров современного ему социал-демократического движения, скрывающемся в Швейцарии. Зорге захватило изучение марксизма, в котором он, как ему казалось, находил ответы на все мучившие его вопросы. Личную ненависть к войне и страсть к новому учению подпитывает юношеское тщеславие: Рихард знал, что секретарем Фридриха Энгельса и одним из создателей Коммунистической партии США был его двоюродный дед Фридрих Адольф Зорге. Теперь младший Зорге в полной мере осознал правоту предка, понял логику его жизни и... взялся превзойти во всем. Рихард Зорге решил, как он сам потом говорил, стать «апостолом революции».

Следующие несколько лет прошли в учебе и подпольной работе. Зорге постоянно колесил по стране, что было вызвано его участием в деятельности Независимой социал-демократической партии Германии, членом которой он стал, и постоянной опасностью ареста (несколько раз он задерживался полицией, но без серьезных последствий). Приобретая таким образом навыки конспиративной работы, Рихард учился и во вполне традиционном смысле слова: вынужденный трижды сменить университеты и не успевший окончить ни один из них, он в сентябре 1919 года успешно защитил в Гамбурге диссертацию на тему «Имперские тарифы Центрального союза немецких потребительских обществ» – это допускалось действовавшими тогда законами. Зорге получил степень доктора социологии, что соответствовало степе-

ни Ph.D в англосаксонской системе образования или кандидата наук в нашей. Вскоре после этого ему полностью пришлось уйти в подполье: и в переносном, и в почти буквальном смысле – вступивший в Коммунистическую партию Германии (КПГ) Зорге работал на шахтах Рурского угольного района, и, вероятно, это был самый дипломированный шахтер того времени.

В марте 1921 года Рихард Зорге переехал в прославленный кузнечным делом Золинген, где сотрудничал с коммунистической прессой, читал лекции рабочим и впервые зажил семейной жизнью.

Кристина

Его первой супругой стала Кристина (Кристиана, Христиана) Герлах – тоже коммунистка и... жена преподавателя Зорге, у которого наш герой ее увел. Они познакомились еще осенью 1918 года во время восстания в портовом Киле. Членом Кильского совета рабочих и солдатских депутатов вместе с Зорге стал доцент, а впоследствии доктор философии и профессор Курт Альберт Герлах. Они были очень дружны: Курт, будучи на девять лет старше Рихарда, тоже пережил ужасы войны на фронте. Но, в отличие от Рихарда, на войну Герлах пошел по политическим мотивам, разорвав отношения с собственным отцом – директором фабрики, которого считал капиталистом. И если в боевом опыте Зорге превосходил Герлаха, то в исследовательском, преподавательском и опыте подпольщика явно уступал ему.

Их знакомство описала Кристина – тогда еще Герлах: «Много молодых людей собиралось в нашем уютном, уютном в глициниях, доме, где я, двадцатилетняя супруга профессора государственной экономики, разливала в чашки чай и без устали вслушивалась в жаркие споры. Мой муж несколько лет жил в Англии, был фабианцем и сочувствовал немецкой революции. Поздняя осень 1918-го, зима 1919 года! Художники говорили о новом искусстве, поэты ломали устаревшие традиции; среди наших гостей сидел молчали-

вый молодой человек, один из студентов моего мужа – Рихард Зорге... В аудиториях и на семинарах он, наверное, вел себя менее сдержанно, чем у нас в салоне, так как я вскоре стала замечать, что мой муж выделяет его из всех остальных. Между обоими завязалась дружба; мы называли его “Ика”».

Из Киля Герлахи переехали сначала в Ахен. Вскоре там же оказался Зорге. «Снаружи стоял Ика. Меня как будто пробило молнией. В единое мгновение во мне пробудилось что-то до сих пор спавшее, что-то опасное, темное, неизбежное...» – вспоминала Кристина. Курту Герлаху в 1920 году исполнилось всего 34, но он был тяжело болен – страдал от диабета, и как раз в это время его уволили из университета за социалистическую пропаганду. Его жена Кристина – «очень симпатичная платиновая блондинка с острым носиком», как описывал ее один из коллег, погрузилась в отчаяние. Они переехали в Золинген, куда следом перебрался и друг Ика. В начале 1921 года профессор Герлах был уже совсем плох, а его супруга перестала скрывать от мужа чувства к Зорге. Это было непростое для нее решение: «Мой муж с любовью и с большим вкусом обставил наш дом – теперь он вдруг заговорил о разводе... Ика никогда ни на чем не настаивал, люди сами тянулись к нему, и мужчины, и женщины... В разладе сама с собой, разрываясь от любви к обоим, я уехала к своей мачехе в Южную Германию... Он и мой муж продолжали оставаться друзьями даже после того, как муж узнал о наших отношениях».

Это был не только, а возможно, и не столько брачный союз, сколько характерный для того времени и для определенной группы молодых людей, настоящих революционеров абсолютно во всем, союз товарищей по взглядам, убеждениям, отношению к миру. Во всяком случае со стороны Зорге. В октябре 1919 года, когда началась его связь с Кристиной, он сделал шокирующее нас сегодня признание в письме своему старому другу Эриху Корренсу: «Никоим образом, даже внутренне, я не испытываю нужды в другом человеке, чтобы быть способным жить; я имею в виду действительно жить, а не произрастать. У меня более нет никаких привязанностей. Я настолько лишен корней, что чувствую себя по-настоящему дома лишь в пути».

Отказавшегося от «корней и привязанностей» Зорге с Кристиной теперь сближала диссертация, которую она решила написать. Тема была выбрана необычная, в чем-то даже провокационная: «Лев Толстой как социолог». «Дважды в неделю, – вспоминала Кристина, – я ездила в Кёльн на занятия семинара по социологии, а дома работала над диссертацией. Когда подошло время сдавать устный экзамен, Ика стал меня натаскивать. Просто удивительно, как его острый ум мгновенно схватывал самую суть. С его помощью летом 1922 года я выдержала кандидатский экзамен». Осенью Курт Герлах умер, а супруги Зорге переехали в Берлин.

В это время Рихард Зорге до предела активизировал свою деятельность в германской компартии. В 1923 году, после ее

запрещения и перехода на нелегальное положение, он стал связным лидера КПГ Эрнста Тельмана, а год спустя обеспечивал размещение и безопасность высокопоставленных гостей из СССР, прибывших на IX съезд немецких коммунистов. У супругов Зорге был свой дом, и Кристина сохранила для нас его довольно поэтичное описание вкупе с любопытной характеристикой молодого Рихарда:

«В парке возле особняка какого-то франкфуртского патриция нам, несмотря на инфляцию и трудности с жильем, удалось отыскать пустующую конюшню с жилыми помещениями для конюхов. Мы переделали все это в оригинальный летний домик; один из друзей, художник, выкрасил в нем комнаты: одну в красный, другую в желтый, а третью в голубой цвет.

Марксизм Ики, к счастью, не исповедовал аскетизм и бедность, хотя у него никогда не было стремления ни к деньгам, ни к имуществу... Он любил глубокую русскую печаль, был отзывчивым, но без сентиментальности, помогал коллегам в трудные дни и с жаром писал о пролетариях. Разумеется, он приводил с собой гостей из числа коллег по работе в редакции: они выпивали, много курили... Он любил кошек и собак и играл с ними, как мальчишка... Не будучи особо разборчивым в еде, он, тем не менее, с удовольствием готовил. Его меню было не очень обширным, однако определенно больше моего... Если блин разваливался, он мрачнел, его не утешало даже, если я называла бесформенное произведе-

ние его кулинарного искусства королевским блюдом».

Весьма любопытны в связи с этим и воспоминания Хедде Массинг, австрийской актрисы и агента советской разведки, судя по всему, именно в это время или несколько раньше вхожей в дом Зорге: «В их квартире была сосредоточена жизнь их друзей и единомышленников. Я помню, что кругом была старинная, антикварная мебель, которая досталась Кристине от ее первого мужа, солидного ученого. Здесь была чудесная коллекция современных картин и редких гравюр. Меня потрясала легкость, с которой проходила жизнь в этом доме. Мне нравилось сочетание серьезных бесед и дружелюбной атмосферы». Хедде одной из первых обратила внимание на еще одно из главных качеств будущего разведчика, о котором потом будут писать многие введенные в заблуждение «некоммунистическим обликом» Зорге: «Ика предпочитал простую, неофициальную одежду, был гурманом и знатоком вин, любил рассказывать забавные истории о животных. Он, еще меньше, чем Кристина, был похож на типичного коммуниста. Из всего их круга у супругов Зорге были самые развитые такт и вкус. Они оба мне очень нравились».

Не слишком похожая на коммунистку платиновая блондинка Кристина Зорге успешно старалась быть под стать своему одновременно светскому и демократичному в манерах супругу, устроив в их доме нечто вроде салона:

«По вечерам у нас собирались художники, музыканты и литераторы, из которых иные были уже признанными масте-

рами или же стали таковыми впоследствии – Хиндемит, Георг Грос, Дрёммер...

В это же время у нас впервые появились русские. Вспоминаю себя сидящей на нашей лиловой софе и грызущей орехи, которые они принесли с собой... Скорлупу русские бросали прямо на ковер, что, вероятно, расценивалось как признак свободных взглядов на буржуазные предрассудки».

Разместив русских с орешками в своем доме и прогуливаясь по периметру с овчаркой, а потом оживленно участвуя в формальных и домашних диспутах, Рихард не мог не привлечь внимание, а затем и симпатии гостей из Москвы. По мнению лидеров Коминтерна, а это были именно они: секретарь Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ) Осип Аронович Пятницкий, члены Президиума ИККИ Дмитрий Захарович Мануильский, Отто Виле Куусинен и Соломон Абрамович Лозовский, такой человек, как Зорге, был нужен в Москве. И сам он был полностью с этим согласен.

15 декабря 1924 года Ика и Кристина прибыли в Москву, а с января 1925-го он начал работать в Коминтерне, перемещаясь там из отдела в отдел и страшно раздражая начальство своим желанием переделать все к лучшему (во всяком случае, в его понимании). Крестину устроили в библиотеку Института Маркса и Энгельса. Жили они в своеобразном общежитии Коминтерна и советских спецслужб в гостинице «Люкс» (бывшей «Франции») на Тверской, 36 (ныне – Тверская, 10), однокомнатном № 20 (по другим данным, № 19).

Кристине в Москве не понравилось. Ее даже нейтральные воспоминания о столичной жизни отдают некоторым холодком: «В однокомнатном гостиничном номере, где мы жили с Рихардом, появлялось все больше и больше гостей, они часто приходили за полночь, приносили с собой вино и водку, лососину и икру; мы ставили на стол чай или кофе». Холодок не случайный: до конца жизни фрау Зорге старательно делала вид, что рассталась с Зорге по причине неприятия советских реалий. Внешне всё так и выглядело. Очень скоро Кристина попросила германскую визу и в октябре 1926 года – спустя менее чем два года жизни в СССР – с легкостью получила ее. Рихард не препятствовал. Более того, к расставанию он сделал жене подарок, передав ей права на принадлежавший ему в Берлине участок земли, которым, по словам Кристины, «он очень тяготился». В ее описании отъезда из Москвы чувствуется смесь какой-то странной легкости с досадой, что все получилось именно так, а не иначе: «Должна ли я была ехать? Почему бы и нет? Ика не сказал мне по этому поводу ни слова: как всегда, он предоставлял мне полную свободу выбора. Поздно вечером он привез меня на вокзал, помог уладить все дела, связанные с отъездом; мы оба делали вид, что расстаемся ненадолго. Но когда поезд подошел к перрону, слезы хлынули у меня из глаз. Я знала, что это был конец нашей совместной жизни, знал это и он. Тем не менее мы переписывались, хотя и очень редко, вплоть до самой его гибели. Он ни разу даже не намекнул о своей

настоящей работе, даже во время нашей короткой встречи в Берлине в 1932 году, когда мы официально расторгли наш брак, продолжавшийся пять лет, сохранив дружеские взаимоотношения».

Вполне логичный конец для союза бывшей коммунистки (а была ли она таковой?), а на самом деле «буржуйки», с пламенным борцом за мировую революцию – так можно подумывать, глядя на историю любви Ики и Кристины со стороны. Но... так ли все это было на самом деле? Нет. В действительности Кристина Герлах-Зорге еще до отъезда из Москвы была завербована IV Управлением Штаба Красной армии, и их развод с Зорге был мерой вынужденной. Демонстративная холодность, претензии к качеству жизни в Москве, по отдельности проводимые отпуска – все это стало лишь прикрытием, созданием видимого повода для отъезда из СССР и легенды для женщины ничего якобы не знающей о работе своего мужа.

Покинув советскую столицу, Кристина отправилась не домой, во Франкфурт, а в Лондон – для выполнения задания советской военной разведки. Лишь в начале 1928 года она вернулась в Германию, где летом следующего года встретила с тогда еще фактическим мужем. Рихард, служивший к тому времени уже в Отделе международных связей (ОМС) Коминтерна – международной коммунистической разведке, ехал из Лондона в Москву через Берлин. Там, в германской столице Кристина Зорге познакомила его с Константи-

ном Басовым – резидентом IV Управления в Берлине и шефом самой Кристины. 9 сентября Басов сообщил в Москву: «Телеграфировал относительно предложения Зорге. Он действительно очень серьезно намерен перейти на работу к нам. С теперешним его хозяином у него очень неопределенное положение, и уже почти целый месяц, как [он] не получал никаких указаний относительно своего будущего. Сидит также без денег. Он достаточно известный работник... и нет надобности останавливаться на его характеристике. <...> Владеет нем., англ., фр., русск. языками. По образов. – доктор эконо. Если его положение решится в пользу нас, т. е. теперешний хозяин не будет держать его, то он лучше всего подойдет для Китая. Туда он может уехать, получив от некот. здешних издательств поручения по научной работе...»

Москва согласилась. Рихард Зорге оставил работу в Коминтерне и стал агентом советской военной разведки – IV Управления Штаба РККА.

Так в первый раз в жизни Зорге женщина сыграла ключевую роль в его судьбе, оставшись в тени. Ее саму журналисты нашли лишь в середине 1960-х в Америке, в штате Массачусетс, где она жила со своей новой семьей, ничего не зная о прошлом бывшей фрау Зорге, и преподавала в местной школе немецкий и французский языки. Летом 1965 года она передала восточногерманскому журналисту Юлиусу Мадеру письмо, в котором рассказала о своем отношении к Рихарду. Это обращение было вызвано статьей в западногер-

манском журнале «Квик», в котором, в свою очередь, с искажениями цитировались ее воспоминания о бывшем муже, написанные для швейцарского издания «Вельтвохе» (основная часть воспоминаний Кристины в книге Мадера, приводимых и здесь, позаимствована именно из «Вельтвохе»). Вот отрывок из этого письма:

«4 июня 1965 г.

Я преклоняюсь перед мужеством, отвагой и порядочностью Ики; он никогда ничего не делал ради денег... Следовало бы лучше разобраться в его нелегкой судьбе, оценить его личность не только с точки зрения политики. Поэтому я и написала статью для “Вельтвохе”, которая затем появилась в искаженном виде в “Квик”. Но я никогда не была женой шпиона...

Ваша Кристина Зорге».

Агнес и Урсула

Завербованный, как мы видим, специально для работы на советскую военную разведку в Китае, Зорге отправился туда почти сразу же – в конце 1929 года. Это многое, кстати, говорит о хваленной подготовке разведчиков-нелегалов – она почти отсутствовала. Едва ли не все навыки, которыми располагал новый агент, были приобретены им либо во время работы в коммунистическом подполье в Германии, либо (и в основном) в ходе выполнения заданий ОМС Коминтерна в Европе. Военные лишь ознакомили его с некоторыми нюансами криптографии и способов поддержания связи – на остальное у них не было ни времени, ни собственного умения. Тем не менее работа в шанхайской резидентуре, вообще китайский период биографии Рихарда Зорге – до сих пор недооцененная историками часть его жизни.

В Шанхае Рихарду Зорге, направленному туда рядовым агентом, почти сразу же пришлось возглавить резидентуру в этой важнейшей точке пересечения мировых интересов, противоречий, интриг и, как следствие, в фокусе внимания многих разведок. В этом огромном городе на разных условиях и с разными целями работали агенты национального правительства Китая и партии Гоминьдан, китайских красных – представителей Мао Цзэдуна, и генералов-милитаристов, английской, французской, японской разведок. Добавим сюда

прессинг контрразведок, государственной и муниципальной полиции (точнее, полиций, ибо в Шанхае, наводненном беженцами, действовали разные полицейские формирования, имелись среди них даже «русские отряды»). Со всем этим и пришлось столкнуться Зорге – сразу и по полной программе.

Новоиспеченный резидент советской военной разведки впервые использовал тогда свой позывной, который потом прославит его, войдет вместе с ним в историю: «Рамзай» – Р. З., Рихард Зорге. И... едва избежал ареста: английские разведчики вычислили его как большевистского агента, но сначала затащили с арестом, а потом ошиблись, приняв за него другого, и в итоге совсем потеряли цель.

Рихарду Зорге повезло, но на грани провала он оказался не по своей воле. Ему неоднократно приходилось нарушать правила конспирации – иногда из-за собственного видения ситуации, но чаще всего по приказу Москвы, постоянно фонтанировавшей новыми идеями по поддержке китайских коммунистов. Москва же постоянно его в этом – в нарушении конспирации – и упрекала, и тут же требовала продолжать действовать тем же манером – во имя дела.

Дело «Рамзай» умел вести как никто. В его шанхайской сети трудились более девяноста человек, в основном китайцы и немцы (последних немало служило в Китае в качестве военных советников) – в самых разных общественных слоях, регионах и областях деятельности. Он имел информаторов среди военных и крестьян, среди инженеров, журна-

листов. Уровень его компетентности в дальневосточных вопросах поражал: уже 30 марта 1932 года, почти за десять (!) лет до Пёрл-Харбора, он отправил в Москву доклад о том, что главным вопросом будущей войны на Тихом океане станет выбор направления главного удара: на север, против Советского Союза, или на юг, против Великобритании и США. Зорге пытался спасти Москву в провальном для всего мирового коммунистического движения «Деле Нуленсов» и найти рычаги воздействия на главного противника китайских красных – Чан Кайши. Он лично познакомился с атаманом Григорием Семеновым и оценил возможности военной «реинкарнации» русской эмиграции в Китае. Вынужденно помогал хорошо знакомой ему разведке Коминтерна (у них не было в Шанхае своей рации, и Москва возложила эту головную боль на резидентуру «Рамзая»), колесил по Китаю, выезжал в Японию, и общался, общался, общался... Все это очень помогло ему в дальнейшем – и как разведчику, и как востоковеду. С точки зрения прикрытия Зорге уже тогда, в Шанхае, создал себе реноме крупнейшего знатока Дальнего Востока среди германских журналистов. Это ему удалось отчасти и благодаря женщинам, отнюдь не со всеми из которых он состоял в любовной, а не только профессиональной связи. Но настоящим потрясением для Рихарда стало знакомство с Агнес Смедли.

Талантливая американская журналистка всю жизнь боролась за права угнетенных и против угнетателей, где бы она

их ни находила, работала в Шанхае как внештатный корреспондент множества газет и имела за спиной не менее богатый опыт, чем Рихард. Состоявшая в Социалистической партии США, она уехала в Индию со своим тогдашним мужем – индийцем, чтобы вместе с ним спасти его народ от британского владычества. В 1920 году, отсидев шесть месяцев в индийской тюрьме, Агнес перебралась в Европу, где вскоре стала, как и Зорге, сотрудницей Коминтерна. В Шанхае она оказалась лишь на два года раньше его, но все местные полицейские и местные красные уже знали ее как автора антиимпериалистического романа «Дочь Земли» и как женщину, чьи контакты были настолько обширны, разнообразны и интенсивны, что даже организовать слежку за ней становилось не самым простым делом. В шанхайском котле разведок ее подозревали все и едва ли не во всем, но никто так и не смог ничего доказать. Не случайно, полтора десятилетия спустя – десятилетия, в которое поместились и мировая война, и подвиг и гибель Зорге, американская разведка будет особенно пристально интересоваться всем, что могло иметь хоть какое-то отношение именно к его давней связи с Агнес Смедли.

Зорге сначала узнал ее заочно – как автора книги, новость о начале публикации которой застала разведчика еще в Берлине. В Шанхае Агнес исполняла обязанности корреспондента «Франкфуртер цайтунг» – потом сам Зорге в Токио прославится как журналист этого издания. Газета писала,

что Смедли «...в настоящее время работает на Дальнем Востоке в качестве нашего специального корреспондента; как предоставляемые ею материалы, так и этот автобиографический роман демонстрируют ее незаурядный писательский талант, умение сочетать решительность и твердость в описании фактов с поэтической утонченностью».

Агнес Смедли, приехав в Китай, очень скоро нашла конфиденциальные контакты в окружении Чан Кайши и сблизилась со вдовой Сунь Ятсена Сун Цинлин, жившей в Шанхае. Именно эти связи помогли Зорге в первую же неделю после прибытия стать членом престижного «Китайского автомобильного клуба», президентом которого являлся сам Чан Кайши. Оставаясь, благодаря таким связям, в курсе малейших политических и экономических изменений, Смедли занялась еще и созданием специальной картотеки на высших чинов армии Гоминьдана, куда включала не только служебные характеристики, но и информацию интимного характера: рост, вес, количество и имена жен и любовниц. «Коллекция» Смедли насчитывала досье на 218 китайских генералов. Неудивительно, что журналистка была необходима Зорге как воздух: в качестве вербовщика, информатора, собеседника, единомышленника, друга. Он оказался в высшей степени заинтригован ею и позже подтвердил, что личное знакомство его не разочаровало: «Это совершенно чудесная женщина. Она будоражит коммунистическими идеями сыновей и дочерей франкфуртских капиталистов... С точки

зрения математической логики, она нуль, но такой, который увеличивает стоящее перед ним число на десяток». Внешность же Смедли описала ее подруга и сотрудница резидентуры «Рамзая» советская разведчица Урсула Кучински (она же – Гамбургер, Бертон, Рут Вернер, «Соня»): «...Агнес выглядит как интеллигентная работница. Просто одета, редкие каштановые волосы, очень живые, большие темно-зеленые глаза, отнюдь не красавица, но черты лица правильные. Когда она отбрасывает волосы назад, виден большой, выступающий вперед лоб. Ей здесь нелегко. Европейцы ее не принимают, поскольку она их глубоко оскорбила. По случаю ее приезда американский клуб с феодальными замашками устроил чай. Агнес пришла и, интересуясь всем, что имеет отношение к Китаю, спросила, есть ли здесь кто-либо из китайцев. “Нет, – ответили ей, – среди членов клуба китайцев нет”. “А среди гостей?” – спросила она. Ответ: “Китайцам не разрешено посещать клуб”. После этого она поднялась и ушла».

Неясно, когда именно познакомились Зорге и Смедли, но очевидно, это произошло вскоре после его приезда в Шанхай. Похоже, что притирка характеров двух сильных личностей проходила нелегко. Во всяком случае, непростой нрав Агнес отмечал и Рихард. Характеризуя ее как агента, он писал:

«№ 4. Анна. Источник связан с широкими кругами журналистов и политических деятелей. Поступающая через него информация обильна и ценна, но связь с ним очень сложна и

затруднительна. *Качество работы всецело зависит от личных взаимоотношений источника с резидентом».*

У «Рамзая» сложились «личные взаимоотношения» с «№ 4». Рассуждая сегодня об этом, важно понимать, что и Рихард, и Агнес жили в эпоху и в среде первой сексуальной революции XX века. Они спокойно, раскрепощенно и даже радостно относились к свободным отношениям и не особенно скрывали их от окружающих. Дочь коллеги «Рамзая» – Александра Улановского Майя рассказывала об этом: «Отец хорошо относился к Зорге, уважал его, но все же Рихард не был для него “своим в доску”. “Все-таки он немец, – говорил отец, – из тех, кто переспит с женщиной, а потом хвастает”. Но Зорге вовсе не хвастал своими победами, просто немецкие радикалы являлись “передовыми” в вопросах морали и удивлялись нашей с отцом “отсталости”. Еще в 1923 году в Гамбурге коммунисты и анархисты уверяли нас, что купальные костюмы – буржуазный предрассудок. На общественных пляжах купаться голыми запрещалось, радикалы с трудом находили место для купанья, и мы смеялись: “В этом заключается вся их революционность!” Немцы были также очень откровенны насчет секса. Поэтому Зорге запросто рассказывал о своей связи с Агнесс Смедли, ведь она была своим человеком, коммунисткой, к тому же незамужней. А отца его откровенность коробила».

Агнес Смедли так же нелегко было смутить, как и Рихарда Зорге. Она была старше его на три года, и так же, как и он, не

делала из сексуальных связей культа, считая главным в отношениях с мужчинами дружбу и взаимопонимание. Из Шан-хая писала о своем настроении тайному другу: «Я замужем, детка, так сказать до какой-то степени замужем, ну, ты понимаешь; но он тоже мужчина в полном смысле слова, и у нас все 50 на 50 – он помогает мне, а я ему, и мы работаем вместе или по отдельности и все такое; большая, широкая многосторонняя дружба и товарищество. Не знаю, как долго это продлится; от нас это не зависит. Боюсь, что не очень долго. Однако эти дни будут лучшими в моей жизни. Никогда я не знала таких прекрасных дней, никогда не переживала столь здоровой жизни – и умственно, и физически».

Смедли и Зорге хорошо понимали друг друга. Во многом похожие, они притягивались и отталкивались одновременно. Несомненно, в их отношениях присутствовала взаимная симпатия, но даже если между ними и была близость, как между мужчиной и женщиной, это не стало главным для них. Куда важнее (или хотя бы в определенной самой Смедли пропорции «50 на 50») оказались общность интересов и взаимное товарищество, уважение, граничившее с, опять же, взаимным восхищением. Забыть Агнес было невозможно, как невозможно было забыть и Рихарда. Трудно в нее было и не влюбиться, и влюблялись многие.

Похоже, что одним из очарованных Агнес Смедли журналистов оказался японец Одзаки Хоцуми, с которым она познакомила Зорге и для которого это знакомство стало роко-

вым. Их общение не было долгим, «Рамзай» мгновенно оценил личные и деловые качества Одзаки и понял, что в будущем этот человек будет невероятно полезен. Зорге поверил японскому журналисту, но ни сам не открылся ему до конца (еще очень долго Одзаки считал, что имеет дело с американским коллегой по фамилии Джонсон – так ему представился «Рамзай»), ни изучил досконально детали жизни своего будущего агента. Ни тогда, ни годы спустя, когда они уже тесно сотрудничали в Японии – отсюда странная, на наш взгляд, сцена «сватовства» Ханако за Одзаки, которая ждет вас впереди. Удивительно, но Зорге действительно во многом рассчитывал на удачу и свое невероятно точное, удивительно тонкое чутье на людей и, в общем-то, ни разу не ошибся.

Что же касается Урсулы Кучински, то было бы странно, если бы не появились слухи о ее романе с Зорге. Слухи беспочвенные. Урсуле, родившейся в семье профессиональных германских подпольщиков-коммунистов, в 1930 году исполнилось 23 года, но она уже успела выйти замуж. Более того, в Китай, где нашел работу ее муж – архитектор Рудольф Гамбургер, она приехала беременной. В Шанхае она познакомилась с Агнес Смедли: та «...сказала, что в случае моего согласия меня мог бы навестить один коммунист, которому я могу полностью доверять. Товарищ пришел ко мне домой. Это был Рихард Зорге...

Вряд ли мне следует описывать внешность этого необыкновенного человека. Это уже сделано во многих книгах и

статьях. Впервые он посетил меня в ноябре 1930 года... Рихарду Зорге было 35 лет. Я нашла его обаятельным и красивым, таким, каким его описывали другие. Продолговатое лицо, густые, выющиеся волосы, глубокие уже тогда морщины на лице, ярко-голубые глаза, обрамленные темными ресницами, красиво очерченный рот. Я описываю Рихарда только потому, что, видимо, о нем нельзя думать, не видя его перед собой.

При первой нашей встрече я еще не знала его имени. Оно бы мне ничего и не сказало. Рихард сказал, что он слышал о моей готовности помочь китайским товарищам в их работе. Он говорил о борьбе против реакционного правительства страны, об ответственности и опасности, связанной с малейшей помощью товарищам, рекомендовал мне еще раз все обдумать. Пока я еще могу отказаться, говорил он, и никто меня в этом не упрекнет.

По мне было уже видно, что я ожидаю ребенка. Агнес также наверняка ему об этом сказала. Мне показался обидным вопрос, могу ли я и в условиях опасности работать в духе интернациональной солидарности. Тогда я не понимала, что он сам себе задает аналогичные вопросы и что он не пришел бы сам, если бы не был уверен в моем согласии. В течение получаса, пока Рихард оставался у меня после моего согласия, высказанного в несколько резкой форме, он обстоятельно обсудил со мной вопрос о возможности организации встреч с китайскими товарищами в нашей квартире. Я

должна была лишь предоставить комнату, но не принимать участия в беседах...

Как он сумел столь быстро получить информацию о моей надежности? Я вспоминаю, что Рихард предложил мне присутствовать на демонстрации на центральной улице города, не принимая в ней непосредственного участия. Нагруженная покупками, дабы как европейке оправдать свое присутствие, я стояла перед большим магазином “Винг-Он” и видела, как избивают и арестовывают китайцев. Во многих случаях арест был равнозначен смерти. Я видела лица молодых людей, которым только что был объявлен смертный приговор, и знала, что уже ради них я выполню любую работу, которая от меня потребуется. Впоследствии я узнала, что на демонстрации меня видел Герхард Эйслер – мы были с ним немного знакомы еще в Германии. Он обратил внимание товарищей на то, что в будущем в подобных обстоятельствах я должна выглядеть более женственной, например, надевать шляпу.

После того как я познакомилась с Рихардом, я узнала, что обо мне стало известно Коминтерну и что от меня ожидают сотрудничества. Рихард считал необходимым, чтобы я состояла в его группе. С точки зрения интересов конспирации он считал замену нежелательной, однако окончательное решение этого вопроса оставил за мной. Я осталась с Рихардом и его группой, не задумываясь над тем, какие особые задачи они выполняют. Значительно позднее я узнала, что речь идет

о работе в советской разведке Генерального штаба Красной Армии».

Очевидно, у Рихарда и Урсулы сложились дружеские отношения, но не такие, как в случае с Агнес Смедли. Теперь он выступал и с позиций начальника по разведывательной линии, и как старший товарищ, старший брат. Они проводили вместе не так уж много времени, но ставшая в будущем профессиональной разведчицей Урсула имела зоркий взгляд и хорошую память. Описание Рихарда, оставленное ею, удивительно напоминает то, что уже после войны напишет главная героиня этой книги – Исии Ханako. Ну и, конечно, нельзя не упомянуть, что именно ей принадлежит первый документальный рассказ о Зорге-мотоциклисте:

«Были дни, когда в отличие от своей обычной жизнерадостности, юмора и иронии он был молчалив и подавлен. В первые недели весны – моему сыну было примерно два месяца – Рихард неожиданно спросил меня, не желаю ли я прокатиться с ним на мотоцикле. Мы встретились с ним на окраине города, находящейся неподалеку от моего дома. Впервые в жизни я ездила на мотоцикле. Ему пришлось объяснить мне, что у мотоцикла есть педали, в которые можно упереться ногами.

Лишь спустя полгода, когда я навестила Рихарда в больнице – его нога была в гипсе, – другие товарищи сказали мне, что он всегда ездил с недозволенной скоростью. Я была в восторге от этой гонки, кричала, чтобы он ехал быстрее,

и он гнал мотоцикл во весь опор. Когда мы остановились, у меня было такое чувство, будто я заново родилась. Ненавистная жизнь шанхайского общества была забыта, так же как и необходимость постоянно чувствовать себя солидной дамой, нести ответственность за нелегальную работу, заботиться о своем чудесном малыше. Я смеялась, болтала без умолку, и мне было безразлично, что об этом подумает Рихард. Может быть, он предпринял эту поездку для того, чтобы испытать мою выносливость и мужество. Если же он принял это мудрое решение, чтобы установить между нами более тесный контакт, то он выбрал правильное средство. После этой поездки я больше не испытывала смущения, и наши беседы стали более содержательными. Это лишний раз свидетельствует о том, какое большое значение имеют отношения между людьми. Ради них можно, пожалуй, иной раз и нарушить строгие правила конспирации».

На исходе 1932 года рискованного мотоциклиста и бесстрашного резидента Рихарда Зорге отозвали из Китая. Срок его командировки истек, а резидентура отчаянно нуждалась в переформатировании. В Москву «Рамзай» вернулся победителем, доложил о выполнении задания руководству Разведупра, получил долгожданный отпуск и... вновь встретился с женщиной, которую вскоре назвал своей женой.

Катя и Хельма

Екатерина Александровна Максимова родилась 6 ноября (по старому стилю) 1904 года в Петрозаводске. Мать – Александра Степановна имела немецкие корни и в девичестве носила фамилию Гаупт, так что, как и Рихард, Катя была ребенком от смешанного, интернационального, брака и тоже наполовину немка. Правда, в семье она оказалась не младшей, а старшей из пятерых детей, но у ее родителей нашлись возможности для обучения девочки музыке и театральному мастерству даже в сложные годы Гражданской войны и последующей разрухи. В 1920 году, окончив семь классов школы, Катя поступила на службу в Олонецкое статистическое бюро, а летом 1921-го успешно выпустилась из городской театральной студии. Училась она у местной знаменитости – Юрия Николаевича Вентцеля, известного под театральным псевдонимом Юрий Юрьин, а потом снова встретила с ним, поступив в Петроградский институт сценического искусства. Как часто бывает, молодая актриса влюбилась в наставника, и 22-летняя красавица Катя вышла за своего 38-летнего преподавателя замуж. Взяв с собой дочку Юрьина Наташу, весной 1926 года молодожены отправились в Италию, на остров Капри. У Юрия Николаевича открылся туберкулез, и поездка к южному солнцу оставалась последним шансом на выздоровление – не сбывшимся шансом.

1 сентября 1927 года муж Кати умер и был похоронен в Италии. Дочка вернулась к родной матери, а Екатерина Александровна отправилась в Москву.

Согласно официальной версии, по дороге, в поезде она познакомилась с немецким коммунистом и военным разведчиком Вилли Шталем, который попросил девушку давать ему уроки русского языка и, в свою очередь, познакомил со своим другом – Рихардом Зорге. Тот еще служил в ОМС Коминтерна и часто бывал в заграничных командировках, но в 1929 году Ика переехал к Кате, в ее полуподвальную комнату без удобств в Нижнем Кисловском переулке. Сестра Кати вспоминала:

«Свадьба была очень скромной – оба презирали этот “мещанский обряд”. Просто вечер с друзьями после регистрации брака здесь же, в Нижнем Кисловском, куда Ика перенес из гостиницы свои чемоданы.

Бутылка легкого вина и разговоры о музыке, о театре и, естественно, о “текущем моменте” – в Германии к власти пришли фашисты...

А потом мы вновь встретились с сестрой.

– Мы были всего полгода вместе, но это были шесть месяцев самого настоящего счастья, – говорила мне Катя...

Нам с сестрой Татьяной не довелось познакомиться с мужем Кати, но мне всегда казалось, что мы хорошо его знаем. Катя говорила, что он ученый, специалист по Востоку. Мы знали и о том, что он находится на трудной и опасной рабо-

те».

Зорге вернулся с этой работы в начале 1933 года – вернулся к гражданской жене Екатерине, чтобы провести с ней несколько месяцев вместе, а потом снова отправиться в командировку – на этот раз в Японию.

6 сентября 1933 года резидент «Рамзай» сошел с борта трансатлантического лайнера «Императрица России» в порту Йокогама и отправился в Токио, чтобы создать одну из самых эффективных разведывательных сетей в мировой истории. К началу 1934 года ядро резидентуры в Токио было собрано. Поначалу их было всего пять человек: Рихард Зорге, Одзаки Хоцуми, французский журналист сербского происхождения Бранко Вукелич, японский художник, присланный советской разведкой из Америки, Мияги Ётоку и радист, которого вскоре пришлось заменить на знакомого Зорге по Шанхаю немецкого коммуниста Макса Клаузена. В будущем эта сеть разрастется до тридцати пяти человек. Возможно, их было еще больше, но когда в октябре 1941 года резидентура провалится, именно это число будет названо в качестве официального количества агентов, входивших в так называемое «шпионское кольцо Зорге».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.